

Баланс, кризисы, роль субъективных и объективных факторов¹

Плановый характер советского хозяйства, зависимость каждого отдельного проявления хозяйственной жизни от сознательного воздействия государства на экономику ставит в совершенно особые условия процесс построения теории советского хозяйства. Экономическая действительность, находясь в несравненно большей зависимости от экономической науки, чем во все предыдущие формации, больше чем когда бы то ни было подталкивает последнюю, требуя вместе с тем от нее освещения именно тех проблем, без теоретического разрешения которых невозможно развитие планирования, а следовательно, и развитие советской экономики, как переходной к социализму. Это обстоятельство, стимулируя с громадной силой развитие теории советского хозяйства, делает на ряду с этим неизбежным известную нестройность в ее развитии.

Политическая экономия Маркса представляет собою систему, которая воспроизводит в нашем сознании весь механизм капиталистических отношений и дает ясное представление о роли и значении каждого из его многочисленных элементов. Но стройность марксовой системы, в качестве одной из основных своих предпосылок, имела то обстоятельство, что перед исследователем находился вполне развитый объект исследования, позволивший ему начать свой анализ с простейших элементов системы, наиболее отдаленных от поверхности явлений. В условиях переходной экономики столь нормальный (с точки зрения метода исследования) ход теоретической мысли совершенно исключен. Во-первых, поскольку теоретическое освещение закономерностей переходной экономики является необходимым условием ее прогрессивного развития, теория не может ждать полного сформирования объекта исследования; во-вторых, теоретическое исследование в наших условиях должно стремиться в том или ином разрезе представить закономерности всей системы в целом, ибо только в таком виде теория может быть непосредственно использована политикой. Поэтому, в то время, как у Маркса

¹ Помещая статью тов. Бялого, дающего ценную критику работ т. Бухарина и Базарова. Редакция считает вместе с тем необходимым отметить, что некоторые вопросы, затронутые автором (вопрос о схемах воспроизводства, о стимулах хозяйственной деятельности), недостаточно освещены в статье и требуют дальнейшего обсуждения. Ред.

теория воспроизводства капитала представляет собою одно из заключительных звеньев, которому предшествует изолированный (точнее — абстрагированный) анализ каждой составной части капиталистической системы отношений, у нас она в той или иной степени, в том или ином разрезе выступает в каждой теоретико-экономической дискуссии, под каким бы официальным названием эта дискуссия не проходила. Следовательно, особое положение теоретической экономики в переходный период выражается, между прочим, в том, что теоретическая мысль вынуждена работать над проблемой воспроизводства советского хозяйства в целом тогда, когда частные проблемы советской экономики еще не нашли сколько-нибудь исчерпывающего разрешения.

Но, указанным обстоятельством, влияние специфических особенностей советской экономики на процесс теоретической разработки проблем воспроизводства не ограничивается. Дело в том, что поскольку в наших условиях политика является составной частью экономики, генеральная линия экономической политики становится фактором хозяйственного равновесия. А это обстоятельство приводит к тому, что представление об условиях равновесия находится в теснейшей связи с решением вопроса о характере необходимой генеральной линии экономической политики. Совершенно естественно поэтому, что разные генеральные линии экономической политики должны быть связаны с различными теориями воспроизводства.

В статье, помещенной в №№ 2 и 4 „Планового Хозяйства“ за 1929 г., мы пытались изложить основные элементы учения о воспроизводстве, исходя из той генеральной линии, которую проводит партия. В настоящей статье мы подвергнем рассмотрению теорию В. А. Базарова, сформулированную им в специальной работе.¹

Прежде чем приступить к разбору работы Базарова, напомним о теории потухающей кривой, защищаемой Базаровым в 1925 г.

Как известно, эта теория представляет собою попытку по-своему разрешить проблему воспроизводства в той хозяйственной обстановке, которая сложилась к 1925 г. Устанавливая определенные закономерности, касающиеся темпа развития всего нашего хозяйства, Базаров (вместе с Громаном) пытался разрешить основной вопрос накопления „общественного капитала“. Однако, в руках Громана и Базарова проблема воспроизводства оказалась исключительно технико-производственной проблемой. Марксистской критике никакого труда не стоило доказать, что поскольку авторы теории потухающей кривой абстрагировались от социально-экономических моментов, их выводы являются ошибочными даже с чисто производственной точки зрения. На вопросах темпа развития промышленности, денежного обращения, кредита, т.е. на конкретных вопросах хозяйственной динамики, было доказано, что

¹ В. А. Базаров. „Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. ГИЗ.

проблемы воспроизводства, как проблемы одной технической увязки отраслей и расширения производства материальных благ, в природе не существует. На конкретном процессе развития советского хозяйства была лишний раз подтверждена правильность того положения Маркса, что воспроизводство материальных благ есть лишь одна из сторон процесса воспроизводства, что вместе с ним происходит воспроизводство определенной системы экономических отношений и что обе эти стороны расширенного воспроизводства находятся между собой в постоянной зависимости и взаимодействии. Тогда же было подчеркнуто, что это положение, обязательное для всякой экономической формации, особенно важно учитывать при анализе переходной экономики, с присущей ей, исключительной динамичностью не только производительных сил, что имеет место и при капитализме, но и производственных отношений.¹

Но несмотря на то, что полемика вокруг теории потухающей кривой была по существу полемикой по вопросам воспроизводства в хозяйстве СССР, авторы этой теории всячески пытались сузить рамки вопроса до отдельных „эмпирических законностей“, устанавливаемых ими только для области материального процесса производства. Тем большего внимания заслуживает попытка В. А. Базарова развить свою теорию потухающей кривой в аспекте соответствующей теории воспроизводства в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве СССР.

* * *

В своей книге Базаров делает попытку использовать учение Маркса о воспроизводстве и кризисах в капиталистическом хозяйстве для анализа соответствующих проблем в хозяйстве СССР. При этом, основным его положением является утверждение, что схемы простого и расширенного воспроизводства общественного капитала, изложенные Марксом во втором томе, должны быть положены в основу борьбы за равновесие в нашем хозяйстве. Автор тратит чрезвычайно много труда на то, чтобы путем детализации этих схем, доказать их необходимость для построения и реализации баланса нашего народного хозяйства.

Но выдвинув положение о реальности марксовых схем в условиях СССР, Базаров обращает внимание на то обстоятельство, что при капитализме воспроизводство совершается при абсолютном господстве одной (капиталистической) формации, в то время как у нас, из пяти, образующих нашу экономику, формаций ни одна не способна играть столь господствующую роль. Из этого положения он выходит путем своеобразного использования марксова метода абстракции: Маркс абстрагировался от всех докапиталистических формаций и рассматривал проблему воспроизводства в условиях

¹ См. Р. Е. Вайсберг. „Советское хозяйство, как переходное“. „Плановое Хозяйство“. № 9 за 1925 г.

чисто капиталистических отношений. Желая следовать этому же методу, Базаров из всех пяти укладов, в совокупности образующих нашу экономику, оставляет только социалистический, применительно к которому и доказывает правильность своей теории баланса.

В этом методе кроется абсолютно неправильное понимание воспроизводства в советском хозяйстве, но вместе с тем и исключительно примитивное толкование марксовой теории воспроизводства и, в частности, схем второго тома.

Остановимся, вкратце на втором вопросе.

Туган-Барановский и Р. Люксембург имели то общее, что одинаково неправильно понимали схемы расширенного воспроизводства Маркса. И тот и другая относились к ним как к цифровому выражению равновесия между отраслями в процессе расширенного воспроизводства материальных благ. Эту вульгаризацию марксовых схем очевидно допускает и Базаров, поскольку он считает возможным на их основе решать проблему воспроизводства при социалистических отношениях. Наличие расширяющегося производства материальных благ, наличие широкого разделения труда и необходимость увязки между отраслями производства — эти черты, присущие всякой экономической формации, очевидно, по мнению Базарова, исчерпывают собою содержание марксовых схем расширенного воспроизводства. Только при таком понимании схем возможно распространять их на социалистическое хозяйство.

Одной из основных отличительных черт схем второго тома является то обстоятельство, что отрасли, между которыми должно быть сохранено равновесие, делятся на $C + V + m$. Уже одна эта ценностная формулировка отраслей исключает внеисторический характер схем. Она показывает, что в схемах речь идет не о простом факте сохранения равновесия между отраслями в процессе расширения производства, а о таком равновесии, которое достигается на фоне превращения рабочей силы в товар, на фоне борьбы классов в процессе распределения производимого продукта, которая определяет не только размер прибавочного продукта, но и степень его накопления. Далее совершенно ясно, что Маркс, разбивая все общественное производство на два подразделения, не случайно отдельно выделил отрасли, производящие материальные элементы дохода и отдельно — отрасли, производящие материальные элементы постоянного капитала. Р. Люксембург такое деление объясняет желанием Маркса оттенить внеисторический, вечный момент процесса воспроизводства, заключающийся в необходимости для всякой общественной формации часть общественного дохода производить, как средства производства для следующего производственного периода. Но при этом Р. Люксембург игнорирует значение данной Марксом ценностной формулировки каждого подразделения. Бесспорно, что изложенная Р. Люксембург задача, является действительно внеисторической, вечной задачей. Но в своих схемах

Маркс показал, что осуществление этой вечной задачи в условиях капиталистических отношений встречает постоянные препятствия со стороны противоречий капиталистической системы и что препятствия эти возникают именно из того, что общественное производство делится не на средства производства и работников, а на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость. Таким образом Маркс в своих схемах сформулировал основные социально-экономические отношения, на фоне которых в условиях капитализма происходит достижение равновесия в процессе расширенного воспроизводства и основные социально-экономические противоречия, которые постоянно мешают достижению равновесия.

Еще яснее историчность марксовых схем выступает в связи с вопросом о так называемом недопотреблении.

Туган-Барановский объявил, что не найдя почвы в своих собственных схемах расширенного воспроизводства, Маркс в теории кризисов, объясняя причины последних недопотреблением, встал по существу на позиции Сисмонди; Р. Люксембург так же как и Туган поняла схемы расширенного воспроизводства и обвинила Маркса в полном игнорировании момента потребления. В действительности же Марксу было чуждо понимание недопотребления в том виде, как оно фигурировало у Сисмонди, и вместе с тем проблема потребления, в противоположность мнению Р. Люксембург, играет решающую роль в его теории воспроизводства и с достаточной ясностью поставлена в схемах второго тома.

Маркс никогда не считал, что причиной кризиса является низкий уровень потребления. Все цитаты, выписанные Туганом для подтверждения этой клеветы на Маркса, говорят не о низком уровне потребления, как причине кризиса, а об узком базисе, на котором основываются условия потребления, что при элементарно-добросовестном отношении к делу смешивать довольно трудно. Причиной кризисов, по Марксу, является противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости. Интересы производства прибавочной стоимости требуют максимального сокращения заработной платы, следствием чего является увеличение накопления, т.е. увеличение той части общественного дохода, которая превращается в постоянный капитал для следующего производственного периода; в интересах реализации произведенной прибавочной стоимости, наоборот, является рост заработной платы и следовательно увеличение размеров общественного дохода, который реализуется, как доход, а не превращается в постоянный капитал. Это — внутреннее противоречие, подготавливающее окончательный взрыв капиталистической системы, периодически реализуется в экономических кризисах. Но в противоположность мнению Сисмонди, оно реализуется отнюдь не только в форме недопотребления. Напротив, у Маркса имеются прямые указания на то, что, когда увеличение накопления в такой мере усиливает спрос

на рабочую силу, то происходит значительное увеличение реальной заработной платы, кризис делается неизбежным. Кризис здесь объясняется не низким уровнем потребления, ибо как раз к моменту его наступления заработная плата находилась на наиболее высоком уровне; он объясняется здесь узким базисом, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе. Когда заработная плата низка, создается пониженный спрос на продукты людского потребления; но когда она выходит за пределы того узкого базиса, который обусловлен законами капиталистического накопления, это последнее (накопление капитала) прекращается и наступает кризис. Нашла ли отражение в схемах второго тома такая трактовка недопотребления?

Кто ищет в марксовых схемах „недопотребление“ в сисмондистском духе, тот, разумеется, его там не найдет. Но он, в противоположность мнению Тугана, не найдет его и в марксовой теории кризисов. Однако, абсолютно неправильно было бы из этого обстоятельства делать тот вывод, что схемы вовсе игнорируют момент потребления. Основное противоречие капитализма, противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, которое и создает узкий базис для потребления, не только лежит в основе теории кризисов Маркса, но зафиксировано уже и в схемах второго тома. Формулировка каждого отдельного подразделения фиксирует уже существование рабочей силы, как товара, борьбу за уровень заработной платы и зависимость накопления капитала от исхода этой борьбы. С другой стороны, разбивка всего общественного производства на два подразделения по такому принципу, что одно (I) производит только материальные элементы постоянного капитала, а другое (II)—только материальные элементы дохода фиксирует, что основной задачей и вместе с тем, основной трудностью расширенного капиталистического воспроизводства является задача превращения части общественного дохода, создаваемого рабочим классом, в постоянный капитал, принадлежащий классу капиталистов, для осуществления чего необходимо удержание потребления рабочего класса в весьма узких рамках. Таким образом, марксовы схемы представляют собою ни что иное, как фиксирование узкого базиса, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе, как основной трудности в деле достижения пропорциональности в процессе расширенного воспроизводства. И совершенно ясно, сколь хорошо понял Маркса В. Базаров, если он считает возможным схему расширенного воспроизводства положить в основу борьбы за пропорциональность в социалистическом хозяйстве.

* * *

Мы указывали выше, что попытка распространения схем второго тома на советское хозяйство при абстрагировании от всех

элементов последнего, кроме социалистического, грешит как вульгаризацией схем второго тома, так и совершенно неправильным подходом к изучению советской экономики. Вопрос о вульгаризации схем второго тома мы рассмотрели. Остановимся на втором вопросе.

Воспроизводство материальных благ происходит у нас в обстановке чрезвычайно сложных и противоречивых производственных отношений. Наличие капиталистического круга воспроизводства и постоянная борьба его против социалистического круга воспроизводства представляет собою постоянно действующее внутреннее противоречие нашей экономики, оказывающее отрицательное влияние на условия производства материальных благ. Естественно, что построить учение о воспроизводстве, значит, прежде всего, научно учесть влияние на воспроизводственный процесс основного социально-экономического противоречия нашего строя. Базаров же взял схемы Маркса, выхолостил из них всякий социально-экономический смысл, затем предположил, что в нашей экономике нет ни капиталистических отношений, ни отношений простого товарного производства и, освободившись таким образом от усложняющих анализ обстоятельств, показал с тщательностью, заслуживающей лучшего применения, как нужно строить и реализовать баланс советского народного хозяйства на основе марксовых схем воспроизводства. При такой постановке вопроса народное хозяйство превращается в сумму отраслей производства, требующих взаимной увязки в количественном отношении. С этой точки зрения совершенно правильно будет наше хозяйство рассматривать как социалистическое, а социалистическое хозяйство, как капиталистическое, и употреблять для анализа закономерностей социалистического хозяйства без всяких изменений схемы, построенные Марксом в результате анализа специфических особенностей капиталистической системы отношений.

Изложенное отношение к проблеме воспроизводства нашло вполне соответствующее дополнение во взглядах автора на проблему кризисов в нашем хозяйстве.

Единственной специфической чертой экономики СССР, которую Базаров признает, является принципиальное изменение положения рабочего класса. Это изменение он кладет в основу своего учения о кризисах в СССР и, как увидим ниже, на основании его строит понятие цикла без кризиса.

„Но те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым. До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частно-капиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная

продукция имела постоянную тенденцию к относительному пере-производству, к расширению за пределы до-нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую „переходную эпоху“ нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства.¹

В капиталистическом хозяйстве кризисы перепроизводства возникают вследствие недопотребления, т.-е. вследствие своеобразного взаимоотношения между заработной платой и производительностью труда. Реальная заработная плата определяется ценностью рабочей силы и следовательно в основном остается неизменной. Накопляемая же прибавочная стоимость через повышение органического строения капитала, ведет к систематическому росту производительности труда. В результате этого, в процессе накопления капитала, доля рабочего в общей сумме производимых им продуктов систематически сокращается, что означает недопотребление, периодически реализующееся в кризисах. Кризисы перепроизводства в капиталистическом хозяйстве являются таким образом следствием закона отставания заработной платы от производительности труда.

В советском хозяйстве, вследствие изменения положения рабочего класса, относительной прибавочной стоимости нет, а следовательно и нет закона отставания заработной платы от производительности труда. Наоборот, поскольку рабочий класс оказался хозяином производства, у нас образовалась противоположная тенденция — отставания производительности труда от заработной платы. Таким образом, когда хозяином производства является капиталист, не представляющий собою основного потребителя, создается тенденция к перенакоплению; когда же хозяином становится сам рабочий класс, который является одновременно и основным потребителем, образуется не менее сильная тенденция к недонакоплению, за счет увеличения потребления. Поэтому если обязательным спутником капитализма являются периодические кризисы перепроизводства, то законом нашего хозяйственного строя является недопроизводство, т.-е. товарный голод. Правда, наше хозяйство от капиталистического отличается не только национализацией основной массы средств производства, но еще и наличием планового начала, при помощи которого тенденция к „перепотреблению“ могла бы быть устранена. Но Базаров в рассуждения по этому поводу не вдается и „перепотребление“, т.-е. товарный голод признает таким же стихийным законом в нашем хозяйстве, как кризисы перепроизводства при капитализме.

¹ Стр. 98—99.

„Обычно возникновение товарного голода объясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать наличие такого рода ошибок. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне. Пока мы находились на очень низком уровне развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно было только капиталистическими методами органичения этого последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или по крайней мере существенно ограничивает эти методы, постольку в рассматриваемую эпоху тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма.¹

Таким образом, противоречием капитализма является отставание заработной платы от производительности труда, противоречием нашего хозяйственного строя — напротив, отставание производительности труда от заработной платы. При чем, поскольку заявляется, что влияние этого противоречия проявляется совершенно независимо от успехов экономической политики, очевидно предполагается, что оно действует столь же стихийно, как и противоречие капиталистического строя.

В изложенной теории воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР сказывается не только вульгарно-материалистический подход к политической экономии, о чем говорилось выше, но и враждебное отношение к советской системе хозяйства. Единственно новое, что Базаров нашел в нашей экономике — это такое изменение положения рабочего класса, которое ведет к постоянной задержке процесса расширенного воспроизводства, т.-е. к задержке в развитии производительных сил. Поскольку же положительной роли планового начала Базаров не признает, получается, что на смену отрицательным моментам капиталистических отношений явились специфически-советские отрицательные факторы, а капиталистические стимулы прогресса (конкуренция) в советском хозяйстве устранены, но ничем не возмещены. Наличие в нашей экономике капиталистического сектора и его стремление установить господство над сектором простого товарного производства Базаров, как мы видим, совершенно не учитывает в своей теории воспроизводства и кризисов. Это обстоятельство лишний раз показывает, что трудности расширенного воспроизводства он видит не в противодействии социалистическому строительству со стороны капиталистических элементов, а в том, что рабочий класс стал хозяином средств производства.

¹ Стр. 99.

Нетрудно догадаться, как представляет себе Базаров пути преодоления противоречия нашей экономики. Борьба против капиталистического сектора и уменьшение его удельного веса не может, по Базарову, служить средством преодоления трудностей воспроизводственного процесса; коллективизация крестьянского хозяйства, как путь к национализации средств производства в сельском хозяйстве, по Базарову, должна не ослабить, а усугубить объективные хозяйственные трудности, ибо, согласно его теории противоречие нашей экономики и возникающие из него хозяйственные трудности, и даже кризисы происходят именно от господствующего положения рабочего класса. Если наша партия путь ликвидации объективных возможностей экономических кризисов видит в борьбе против капиталистического сектора и в постепенном обобществлении простого товарного производства, то для Базарова, очевидно, единственным средством борьбы с хозяйственными трудностями является ликвидация диктатуры пролетариата.

Свои теоретические соображения по вопросу о воспроизводстве и кризисах Базаров использует в целях подкрепления его старой теории потухающей кривой. В свое время, кроме методологических соображений, выдвинутых против этой теории (о которых мы выше упоминали) указывалось также на весьма слабую ее обоснованность со стороны конкретной действительности. В частности, обращалось внимание на то, что темп роста промышленной продукции в 1924/25 г. находится в диаметральной противоречии к основным положениям этой теории.

С точки зрения методологической Базаров свою старую позицию, в рассматриваемой книге довел, как говорится, до логического конца, развив как бы вместо ответа на аргументы его критиков, свои исходные методологические положения до теории воспроизводства и кризисов. Что касается фактов конкретной действительности, то Базаров считает необходимым счесть лишь с неприемлемым для его теории темпом развития промышленности в 1924/25 г. Производит он это следующим образом. Весь период восстановительного процесса он делит на два цикла: с начала нэпа до кризиса 1923 г. и с момента ликвидации последнего до окончания восстановительного периода и удовлетворяется тем, что в пределах каждого цикла теория потухающей кривой остается в силе.

„Таким образом, „большой цикл“ пятилетнего восстановительного процесса расслоился на два подцикла: первый начинается во второй половине 1920/21 г. и оканчивается на рубеже 1923 и 1924 календарных годов; второй объемлет календарный 1924 г. и два последующие хозяйственных года“.¹

„Как видим, динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей, аналогична „автокаталитической“ реакции

а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда (см. главы IV и V). В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер, с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частно-капиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и „расцвета“, раздувающего объем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства. А раз это так, восстановительный цикл должен более или менее плавно подвести продукцию к новому уровню без того кризиса на финише, который при капитализме является неизбежным последствием и стихийным разрешением противоречий, накопленных в течение фазы „расцвета“.¹

Восстановительный период содержит в себе таким образом два законченных цикла, но второй цикл оказывается без кризиса, вследствие особого положения кредита в условиях СССР. Но в таком случае непонятно, почему автор отрезок времени с 1924 г. по конец восстановительного периода объявляет циклом? Цикл ведь понятие определенное, включающее в себя стихийный переход от подъема к кризису. С другой стороны, представляется чрезвычайно странной та исключительная роль, которую Базаров в данном случае отводит кредиту в деле образования кризиса. Мы видели выше, что при общем решении вопроса Базаров не считал явления кредита основной причиной кризисов. Сам автор наличие двух законченных циклов в течение восстановительного периода обосновывает следующим образом:

„Каковы причины этого усложнения формы восстановительного процесса? Вызвано ли расщепление последнего на два цикла случайно комбинацией конъюнктурных условий или к тому имеются более глубокие основания? По нашему мнению, двуциклический тип движения предreshался всей структурой нашей пореволюционной экономики и был лишь несколько модифицирован явлениями „случайного“ и чисто конъюнктурного порядка. Дело в том, что реконструкция методов использования рабочей силы, составляющая основу нашего восстановительного процесса, не могла быть проведена до конца в обстановке 1920, 1921 и 1922 гг., когда государственный бюджет опирался на „эмиссионный налог“, а стремительно падающая валюта, с одной стороны, исключала возможность правильного финансирования промышленности на основе банковского кредита и, с другой стороны, делала крайне проблематичными всякого рода

¹ Стр. 106

¹ Стр. 102—103.

калькуляции издержек производства и выручки. При таких условиях, при отсутствии элементарнейших предпосылок учета производительных сил, никакая серьезная рационализация их была, конечно, невозможна¹.

Все дело, следовательно, сводится к уровню производительности труда. С начала нэпа до кризиса 1923 г. темп роста промышленной продукции испытывал потухающую кривую. В 1924/25 г., благодаря проведенной денежной реформы, производительность труда делает сильный скачок вверх, вследствие чего и темп роста промышленной продукции в этом году значительно превышает темп предыдущих лет. Таким образом, фактором, определившим движение конъюнктуры, явился уровень производительности труда. Его повышение сделалось началом нового цикла.

Это до чрезвычайности странное положение вполне согласуется и даже непосредственно вытекает из представления Базарова о характере и корнях кризисов в хозяйстве СССР. Выше мы указывали, что по Базарову причиной кризисных затруднений в нашем хозяйстве является отставание производительности труда от заработной платы при чем, так как значение планового начала им совершенно игнорируется и действие сформулированного им основного противоречия нашей экономики рассматривается, как стихийный процесс, то и понятно, что рост производительности труда, последовавший после проведения денежной реформы, он рассматривает как временный период подъема нового цикла. Сменится ли этот подъем упадком? Да, по Базарову, он должен смениться упадком. Тенденция рабочего класса повышать жизненный уровень до нормы, превышающей уровень производительности труда, ослабит накопление и создаст товарный голод, а постепенное исчерпание восстановительных возможностей сделает невозможным соответствующую компенсацию со стороны восстановительного процесса. Но смена подъема упадком непримет крутой формы, делающей ее похожей на капиталистический кризис, так как в советском хозяйстве имеет место регулирование кредита со стороны государства. Только таким образом и возможно понять странное утверждение, что второй цикл восстановительного периода, оставаясь законченным циклом, не завершился кризисом и при том только из-за государственного регулирования кредита.

Теория потухающей кривой, подвергшись уточнению, оказалась, таким образом, „оправданной“. Доказано, что она подвергалась некоторому нарушению только потому, что в 1924 г. произошло событие (денежная реформа), ослабившее действие основного противоречия советской экономики. Но после создавшегося, вследствие этого обстоятельства, подъема жизнь снова пошла в строгом соответствии с теорией потухающей кривой. Когда будет новый подъем,

который положит начало третьему циклу, и будет ли подъем вообще? Из теории Базарова этого нового подъема не видно, так как она пророчит неспособность нашего хозяйства, после завершения восстановительных тенденций, превзойти довоенный темп накопления при значительном превышении довоенных потребительских норм рабочего класса. Мы видим, таким образом, что защита Базаровым теории потухающей кривой опирается на его теорию воспроизводства и кризисов и вместе с этим представляет собою развитие этой теории. Но так же как и сама теория, это ее „развитие“ носит на себе яркую печать примитивизма и вульгаризации.

Теория потухающей кривой является в корне ошибочной потому, что она основана на одностороннем учете факторов из сферы только производительных сил. Наличие к моменту введения нэпа больших запасов неиспользуемого основного капитала оказало, конечно, громадное влияние на темп развития всего нашего хозяйства. Далее, по мере использования этих запасов, т.е. по мере завершения восстановительных тенденций, происходило весьма серьезное обострение проблемы темпа расширения производства. Но это обострение проблемы расширения производства могло превратиться в систематическое сокращение темпа, т.е. в развитие потухающей кривой лишь при прочих равных условиях. А поскольку эти прочие условия, т.е., прежде всего, состояние производственных отношений в переходный период, подвержены особенно частым изменениям, исходить из наличия „прочих равных условий“ значит отрицать обратное влияние производственных отношений на производительные силы.

История советского хозяйства представляет собою наиболее сильное подтверждение общеизвестного положения Маркса, что тот или иной темп развития народного хозяйства зависит не от одних только производительных сил, а от характера сочетания последних с производственными отношениями:

а) Во время военного коммунизма имела место деградация производительных сил вследствие того, что мы были вынуждены создать такую систему производственных отношений, которая не соответствовала бы уровню развития производительных сил. б) В период с начала нэпа до кризиса 1923 г. темп развития промышленности сильно отставал от последующих лет, несмотря на то, что запасов основного капитала в этот период было значительно больше, т.е. состояние производительных сил значительно сильнее благоприятствовало быстрому развитию. Произошло это потому, что в первый период нэпа была крайне слаба регулирующая роль социалистических командных высот и, наоборот, сравнительно сильна роль товарно-капиталистической стихии. Именно такое состояние производственных отношений не позволило провести денежную реформу раньше 1924 г. и заставляло мириться с далеко неполным использованием приевшихся восстановительных возможностей. в) Базаров пророчил, что после

завершения восстановительного процесса, мы обречены на довоенный темп развития, но жизнь это пророчество ни в какой мере не оправдала и именно потому, что реконструированные производственные отношения (ликвидация феодализма в деревне, национализация промышленности и рост, на основе успехов первых лет нэпа, планового начала и вообще влияния социалистических командных высот) в очень сильной мере компенсировало отсутствие восстановительных возможностей.¹

Базаров пытается спасти свою теорию потухающей кривой (т.-е. удержаться на позиции игнорирования роли производственных отношений) ссылкой на рост производительности труда, происшедший в 1924/25 г. Но для того, чтобы этот рост не противоречил его теории, Базаров должен суметь его объяснить при помощи этой последней, ибо она ведь решает вопрос о законах темпа развития нашего хозяйства. Но в том то и дело, что без анализа производственных отношений Базаров мог лишь сослаться на денежную реформу, но не мог объяснить, почему она была проведена в 1924 г., а не раньше. Все перечисленные периоды представляют собою последовательные этапы процесса перерождения экономики диктатуры пролетариата в социалистическую экономику, процесса происходящего путем взаимодействия развивающихся производительных сил и производственных отношений. В свете такой оценки их для нас делается совершенно понятным и более медленный темп развития промышленности после 1924/25 г., чем до него и высокий темп развития нашего хозяйства после завершения восстановительного процесса. Для Базарова же, разумеется, не существует этих этапов вставания в социализм. Прошлое советского хозяйства представляется ему в виде стихийного, циклического использования производственного аппарата, полученного от капитализма, а будущее — в виде чахлого состояния, обусловленного систематическим отставанием производительности труда от уровня потребления.

Таким образом, попытку Базарова включить теорию потухающей кривой в общую теорию воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР следует считать вполне „удавшейся“ в том смысле, что в результате получилась стройная теория, основанная на вульгаризации марксовского учения о воспроизводстве и кризисах, соединенной с объективно (безотносительно к субъективным намерениям автора) враждебным отношением к советской системе.

* * *

В „Заметках экономиста“ т. Бухарин посвящает один параграф вопросу о природе наших кризисов, при чем в этом параграфе он

¹ См. вышеупомянутую статью т. Р. Е. Вайсберга.

выявляет к схемам второго тома, примерно, такое же отношение, какое¹ мы находим и у Базарова.

Утверждение, что схемы применимы в нашем хозяйстве, да еще с большим правом, чем в другом, свидетельствует о том, что их рассматривают с точки зрения балансовой увязки отраслей. Несмотря на то, что выводы т. Бухарина в отношении природы наших кризисов принципиально отличаются от учения Базарова, неправильное отношение к схемам второго тома не могло не найти в них своего печального отражения.

В самом начале статьи т. Бухарин ставит перед собой задачу ответить на следующие вопросы.

„...Не есть ли „товарный голод“ общий закон нашего развития? Не обречены ли мы на периодические или непериодические „кризисы“?... Не суть ли эти „критические“ затруднения — железный закон нашего развития“?

Сразу же вслед за этими вопросами, он заявляет:

„В этой, встречающейся и в нашей экономической литературе, постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей („спроса“ — в широком смысле этого слова), с другой — специфически острая, „кризисная“, форма, а именно форма товарного голода (где уже идет речь о спросе платежеспособном). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является непосредственной двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится средством и т. д. Совсем другое — моменты кризисного характера, которые нарушают ход воспроизводства. Они могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления). „Извращенный“ — по сравнению с капиталистическим — характер „кризисов“ определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть развивающийся антагонизм (наоборот, производство догоняет все время потребление масс,

¹ „В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное единство, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, „правом“) можно построить, по аналогии со вторым томом „Капитала“ „схемы воспроизводства“, т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия. По сути дела, в этом и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана сознательно намечаемого являющегося и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно“.

идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для „закона кризисов“, для закона неизбежных кризисов. Но здесь могут быть „кризисы“, вытекающие из относительной анархичности, т.е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода“.

В этой цитате имеется вполне определенный ответ на поставленные вопросы. Однако, в правильности его и убедительности аргументации мы сомневаемся.

С первого взгляда кажется совершенно непонятным, почему это т. Бухарин считает, что в вышеприведенных вопросах „уже заранее заложен определенный порок“. Непонятно почему это тот, кто ставит вопрос о товарном голоде, оказывается виновным в смещении „спроса — в широком смысле этого слова“ (в смысле потребностей) с платежеспособным спросом. У нас как будто бы считается аксиомой что товарный голод (независимо от его размеров) одними потребностями непосредственно не определяется. Однако, следующие фразы приведенной цитаты свидетельствуют о том, что причиной недовольства т. Бухарина в данном случае, является то обстоятельство, что в его личной концепции потребностям придается особое значение.

В предпоследней фразе т. Бухарин отмечает, что в нашем хозяйстве нет базы для закона неизбежных кризисов. Этот вывод сделан на основании того обстоятельства, что „характер (наших) кризисов“ определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством, при чем это новое соотношение состоит в том, что „производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом его развития“ (разрядка наша И. Б.).

Следовательно, ход рассуждения у т. Бухарина таков:

1 посылка. При капитализме стимулом развития производства является не потребности масс, а частнохозяйственное накопление, вследствие чего (согласно Марксу) создается основное противоречие капитализма, выражающееся в периодических кризисах.

2 посылка. При диктатуре пролетариата основным стимулом развития государственной промышленности является рост потребности масс.

Вывод. Следовательно, при диктатуре пролетариата нет базы для закона неизбежных кризисов.

Первая посылка и вывод т. Бухарина — совершенно правильны. Однако, утверждение, что основным стимулом всего нашего хозяйственного развития является потребность масс, грешит на наш взгляд, тем существенным недостатком, что не критически переносит на переходную экономику стимулы развития социалистического хозяйства. Мы уже не говорим о том, что в капиталистическом секторе потребности не могут служить стимулом развития. Даже в отношении нашей государственной промышленности нельзя приписывать только одним потребностям роль основного стимула

развития. В отличие от капитализма этот момент является, конечно, весьма существенным фактором в развитии нашей государственной промышленности. Однако, вряд ли кто решится утверждать, что осуществляемый в настоящее время темп развития государственной промышленности обусловлен только стремлением государства полнее удовлетворить потребности трудящихся масс. Совершенно ясно и особенно на данном этапе, что условия борьбы с капиталистическими тенденциями в нашей экономике, стремление социалистического сектора установить господствующее влияние на всю переходную экономику, в целях ее социалистической переделки, не в меньшей мере является стимулом развития нашей государственной промышленности, чем отмечаемый т. Бухариным рост потребностей. В конечном итоге, действие обоих стимулов полностью совпадает, ибо ликвидация капиталистических тенденций и осуществление социалистической переделки нашей экономики будут, конечно, сопровождаться гигантским ростом личного потребления. Однако, на переживаемом этапе переходной экономики оба эти стимула не только не сливаются, но иногда испытывают даже известные коллизии. Так осуществляемый в настоящее время темп и тип индустриализации не способствуют немедленному росту потребления трудящихся и тем не менее являются безусловно необходимыми для успешного продвижения к социализму. Одни интересы непосредственного потребления трудящихся не обуславливают осуществляемый темп (и особенно тип) индустриализации, его можно понять только в том случае, если видеть, что, на ряду с потребностями, стимулом развития нашей промышленности является также борьба против капитализма за социалистическое хозяйство.

Мы видим, таким образом, что вторая посылка не связана с правильным положением об отсутствии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов. Это положение с очевидностью вытекает из самого факта замены капиталистических отношений переходными. Смазывание же переходных черт нашей экономики, которое т. Бухарин допускает в своей второй посылке, бьет по существу значительно дальше вопроса о наличии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов, оно в значительной степени уже предreshает вопрос о корнях возможных в нашем хозяйстве кризисов. И в полном соответствии с этой „диспропорцией“ т. Бухарин сразу же вслед за правильным утверждением об отсутствии закона неизбежных кризисов заявляет: „Но здесь могут быть „кризисы“, вытекающие из относительной анархичности, т.е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода“.

В этом разъяснении уже совершенно явственно идет речь о природе возможных в советских условиях кризисах, при чем решение этого вопроса страдает теми же недостатками, что и рассмотренные суждения по вопросу об основном стимуле развития нашей государственной промышленности.

Капиталистические кризисы Маркс выводил из определенной классовой структуры капитализма. Туган-Барановский их выводил из анархичности; бесплановости капиталистического хозяйства. Теперь же т. Бухарин, изучая советские кризисы, выбрасывает совершенно все социально-экономические проблемы, и причины наших кризисов тоже видит только в анархичности хозяйства переходного периода, при чем, как бы нарочно, желая подчеркнуть, что в понятие анархичности и бесплановости он не включает основных социально-экономических противоречий нашего строя, тов. Бухарин заявляет: „Относительная бесплановость... хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее „законченный“ план развитого социалистического общества“.

Оказывается, таким образом, что все объективные трудности бескризисного воспроизводства происходят только от наличия в нашей экономике мелких хозяйств и рыночных форм связи. Наличие капиталистических элементов в нашем хозяйстве, пытающихся сомкнуться с крестьянством и ремесленниками, буржуазное окружение — все это, оказывается никакого влияния на процесс воспроизводства не имеет, трудностей бескризисного развития не увеличивает и факторами наших кризисов не является. Интересно, что т. Бухарин находит нужным специально подчеркнуть, что наш план „это вовсе не более или менее законченный план развитого социалистического общества“. Очевидно, он опасается, что „мыслящий рабочий“, к которому он в начале своей статьи апеллирует против поверхностных исследований нашей экономики, примет наш план за „законченный“ социалистический план, а может быть и наш строй за законченное социалистическое общество.

Мы видим, что вопрос о факторах кризиса решается в полном соответствии с отношением автора к возможности применения к переходной экономике схем второго тома. Проблема бескризисного воспроизводства полностью сводится к проблеме балансовой увязки отраслей народного хозяйства, а кризисы ставятся в исключительную зависимость от возможностей безошибочного учета рыночных процессов и тенденций. И подчеркивая субъективный характер причин советских кризисов, автор заявляет:

„В нашем плане есть много элементов предвидения стихийной равнодействующей... Именно поэтому, у нас невозможен „идеальный“ план. Именно поэтому, здесь до известной степени могут иметь место ошибки. Но ошибка имеющая, свое объяснение и даже неизбежная ошибка, не перестает быть ошибкой. Это во-первых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежны“.

Если раньше причины кризиса были сведены к ошибкам, совершаемым в процессе увязки отраслей, то здесь указывается, что эти ошибки вполне возможно избежать. Получается таким образом, что при правильной политике кризисы в нашем хозяйстве невозможны. За абсолютно правильным утверждением, что в нашем хозяйстве не действует закон неизбежных кризисов, таким образом, скрывается игнорирование тех социально-экономических противоречий, которые представляют собою объективную базу специфически-советских кризисов. Умаление объективных трудностей бескризисного развития совершенно естественным следствием имеет отмеченное преувеличение роли субъективных факторов.

Общеизвестно, что одной из основных особенностей советской системы отношений является то обстоятельство, что в противоположность капитализму, политика у нас представляет собою составную часть экономики. Это обстоятельство колоссально увеличивает роль субъективных факторов в наших хозяйственных трудностях: поскольку политика есть экономический фактор, без правильного курса невозможно преодоление хозяйственных трудностей; с другой стороны, серьезные ошибки политики, при прочих равных условиях, сами по себе в состоянии вызвать серьезные хозяйственные затруднения. Однако, это чисто экономическое значение политики не дает нам права игнорировать объективные экономические факторы.

Строительство социализма происходит у нас в форме жестокой классовой борьбы, исход которой зависит не только от степени правильности политики. Даже при абсолютно правильной политике не исключена возможность частичной победы капиталистических элементов на том или ином участке хозяйственного фронта, что неизбежно вызовет увеличение хозяйственных трудностей. Но наличие в нашей экономике капиталистических тенденций создает серьезные хозяйственные затруднения даже тогда, когда им не удастся одержать побед над социалистическим сектором. Самый факт существования капиталистических тенденций заставляет государство в целях их преодоления, проводить такой план хозяйственного строительства, который создает большое напряжение, ряд серьезных, но временно неизбежных хозяйственных трудностей. Поэтому теория т. Бухарина, учитывающая существование рыночных форм связи, но не учитывающая социально-экономических противоречий, возникающих из факта существования капиталистических тенденций, в совершенно неправильном свете изображает корни наших хозяйственных затруднений.

Что же касается кризисов, то если бы обстановка сложилась таким образом, что капиталистическим элементам удалось бы использовать переживаемые хозяйственные трудности и оттянуть из-под влияния государственного сектора значительную часть крестьянства, наше хозяйство вступило бы в полосу кризиса. Преодоление кризиса без правильной политики было бы совершенно невозможно;

в этом сказывается исключительное значение субъективного фактора в нашей экономике. Однако, отмеченное значение субъективного фактора не должно затемнять того обстоятельства, что возникновение кризиса обуславливается не только субъективным фактором, но и независящим часто от него обострением внутреннего противоречия нашей экономики.

Кое-кто недоволен проводимой в настоящее время политикой индустриализации и считает, что она именно и является тем субъективным фактором, который создает кризисные затруднения. В действительности, если бы восторжествовала линия на свертывание индустриализации — капиталистический сектор окреп бы настолько, что оказался бы в состоянии оттянуть значительную часть крестьянства из-под влияния социалистического сектора, что привело бы к серьезному хозяйственному кризису. В этом случае кризис явился бы результатом такой победы капиталистического круга воспроизводства, которая была значительно облегчена неправильной политикой государства. Правильная же политика значительно увеличивает шансы бескризисного развития, но даже и она, поскольку хозяйственное развитие происходит в форме борьбы двух противоположных кругов воспроизводства, не может избавить нас от временных, но весьма серьезных хозяйственных трудностей.

Мы видим, таким образом, что в противоположность мнению Бухарина трудности бескризисного развития в нашем хозяйстве состоят не столько в том, что наличие форм рыночной связи создает возможность просчетов и ошибок со стороны государства, сколько в том, что развитие хозяйства в условиях борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций создает возможность временного разрыва связи социалистического сектора с частью крестьянских хозяйств. В борьбе против капиталистического сектора за связь с крестьянским хозяйством правильная политика является необходимой предпосылкой. Однако, проблему бескризисного развития сводить к проблеме одного только материального балансирования, значит воскрешать в советских условиях блаженной памяти Тугана-Барановского.